

о комическом эффекте, который базируется на игре смыслов, выраженной в переносе акцентов: *Вальс, по определению, это хождение по кругу. Вальс поэтому не подойдет. Танго – ну, там тоже есть какие-то резкие движения. Твист у нас уже был. Поэтому – два шага вперед, один шаг назад. Тенденция абсолютно позитивная.* Так охарактеризовал С. В. Лавров отношения между США и РФ. Перенос политических отношений в сферу искусства, яркие метафоричные образы – все это создает комический эффект, базирующийся на столкновении несовместимых сфер деятельности.

С. В. Лавров часто использует иронию на пресс-конференциях и в общении с журналистами при комментировании внешнеполитических событий. Отличительной особенностью иронии С. Лаврова является тонкая граница между иронией и сарказмом. При использовании риторических фигур для достижения иронического эффекта С. Лавров апеллирует к метафоре и семантической несовместимости: – *Как можно разрешить проблему Крыма?* – (журналист) *...Крым – не проблема. Крым – территория Российской Федерации* (С. Лавров) (наблюдаем сочетание нескольких типов риторических фигур, апеллирование к когнитивной метафоре, уклонение от прямого ответа).

Следующий пример иллюстрирует обыгрывание С. В. Лавровым литературного приёма «говорящая фамилия»: *Это сделал, по-моему, один из депутатов Верховной рады с какой-то говорящей фамилией. Какой-то Панасюк, то ли Поросюк – я не помню* (о депутате Рады Владимире Парасюке, который сорвал флаг с посольства РФ в Киеве).

Таким образом, понимание иронии в контексте политического дискурса предполагает осознание диалектичности и неоднозначности контекста и высказываний политиков. Интерпретация политических ситуаций сквозь призму иронии формирует у адресата отрицание политического конформизма, переосмысление политической ситуации, а амбивалентность высказывания, создающаяся посредством иронии, является для адресата стимулом к последующему анализу ситуации.

Список использованных источников

- 1 Водак, Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса / Р. К. Водак // Политическая лингвистика. – 2011. – № 4 (38). – С. 286–291.
- 2 Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.
- 3 Пивоев, В. Т. Ирония как феномен культуры / В. Т. Пивоев. – Петрозаводск : ПетрГУ, 2000. – 104 с.
- 4 Боженкова, Н. А. Современный политический дискурс: вербальная экземплификация тактико-стратегических предпочтений / Н. А. Боженкова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания, 2017. – Т. 15. – № 3. – С. 255–284.

УДК 81'27:821.161.1–14*М.Цветаева

Н. П. Капшай

ПОСТИЖЕНИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА И СУЩНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ В ЕДИНСТВЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО И ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОГО ПОДХОДОВ (на примере произведений М. И. Цветаевой)

На основе целостного лингвистического и литературоведческого анализа поэтического текста исследуются лирические произведения М. И. Цветаевой, выявляются характерные изменения в ее поэтике, отображающие сущность исторических эпохальных сдвигов.

Поэтическое творчество великого поэта наиболее полно и точно отображает изменения, происходящие в реальной исторической действительности. Понять сущность происходящего

здесь и сейчас всегда трудно, обывателю почти невозможно. Поэт издавна предстает той личностью, которой приписывается (и не только в мифологии и романтической литературе) провидческий дар в познании мира, осуществляемом через художественное слово. Следовательно, через язык, поэтику художника слова мы можем понять сущность происходящих эпохальных перемен.

Цель нашего исследования: выявить, каким образом в слове «первого поэта XX века» (И. Бродский) Марины Ивановны Цветаевой преломлялись и отображались грандиозные исторические катаклизмы начала XX века, внутри которых она находилась как человек и писатель. Исследование требует решения нескольких задач: объединения лингвистического и идеологического аспектов, доказательства актуальности заданного направления, определения роли преподавателя, выполняющего функцию адаптора в овладении обучаемыми технологией филологического анализа.

Для проведения интегрированного анализа имеется методологическая база, подготовленная лингвистами и литературоведами. Еще А. А. Потебня писал: «История литературы должна все более и более сближаться с историей языка, без которой она так же ненаучна, как физиология без химии» [1, с. 210]. Б. А. Ларин последовательно разрабатывал методологию, в которой «...все уровневые аспекты анализа подчинены семантической интерпретации элементов текста и внутритекстовых связей в соответствии с семантикой произведения» [2, с. 9]. «Точным» называл литературоведение М. М. Бахтин, отстаивавший принцип текстоцентризма в изучении литературного произведения. В опоре на лингвистику созданы работы литературоведов В. В. Жирмунского, Г. А. Гуковского, Ю. М. Лотмана и других. В филологии методология, соединяющая лингвистический и литературоведческий подходы, получила разные обозначения: филологического анализа (Ф. И. Буслаев, В. А. Маслова), целостного анализа текста (Г. А. Гуковский, М. М. Гиршман), семиозстетического анализа (В. Тюпа). Надо отметить, что наиболее проблемной и мало разработанной остается сфера применения методологии на практике. И, конечно, здесь главную роль, выполняя адаптационную функцию, должен сыграть преподаватель-словесник.

Методика обучения анализу базируется на принципе научности. Интеграция лингвистического и литературоведческого аспектов должна быть лингвистически научно точной и убедительной и вместе с тем не разрушать эмоциональность произведения как знаковую черту, маркирующую родовую сущность лирики. Вместе с тем допускается «щадящее», гибкое использование научной терминологии, сложное адаптируется в простое, умело совмещается лингвистическая и литературоведческая лексика. Стратегию анализа может определить понятие-интегратор, благодаря которому объединяют два подхода.

Одним из самых проверенных аналитической практикой понятий-интеграторов является мотив. Он целостно вбирает в себя семантику разных компонентов произведения, подчинен идее произведения, позволяет автору наиболее точно выказать свою мысль, а читателю адекватно ее декодировать. Мотив прежде всего воплощается в семантике слова. Два понятия – мотив и полисемия – являются опорными в методике анализа выбранных нами стихотворений М. И. Цветаевой.

Марина Ивановна Цветаева («поэт с историей», согласно ее собственной классификации) была свидетельницей грандиозных исторических катаклизмов начала и первой четверти XX века. В сложной идеологической обстановке, когда проповедовались и реализовывались разные смелые теории, она оставалась верна одному проверенному временем способу исследования и постижения сущности происходящего – слову.

У Цветаевой отношение к слову как средству познания глубоко интуитивно и одновременно рационально (ремесленнически) выверено. В творческом процессе точно найденное, «единственное слово» для нее «самоцель». Она убеждена в «самостоятельной жизни слова». Как творец всецело подчинена художественному процессу: «когда ... каждая строка – борьба за суть, когда кроме сути (естественно для поэта высвобождающейся через слово!) ему ни до чего нет дела» [3, с. 401]; «...как-то я докрикиваюсь, доскакиваюсь, докатываюсь до смысла, который затем овладевает мною на целый ряд строк [3, с. 401].

В 1916 году Цветаева в ситуации романтического соперничества с Анной Ахматовой пишет провидческое стихотворение «Красною кистью рябина зажглась...», завершающее цикл «Москва». В стихотворении торжественно выказана радость рождения великого поэта, приход в сей мир которого торжественно воспринимают природа, общество, разные конфессии – все силы жизни. В произведении «основа моделирования идеологического смысла и образной системы» [4, с. 75] создана одним, чутко найденным автором словом *красный*. Слово-образ потенциально заключает в себе емкий культурный смысл, который многопланово актуализируется поэтом. По словам А. Веселовского, «всякий поэт, Шекспир или кто другой, вступает в область готового поэтического слова...» [5, с. 17].

Цветаева так мастерски владеет словом, что в ее тексте оно не только раскрывается во множестве смыслов, но и возникает авторское семантическое приращение. Сильная позиция начала текста, строки и строфы, инверсионное построение предложения «Красною кистью рябина зажглась...» интенционально выделяют эпитет, выраженный прилагательным *красный*. Эпитет поставлен в позицию, в которой все его семы находятся в положении амбивалентности. Красный цвет обозначает противоположности: праздничный – тревожный; красивый, прекрасный – устрашающий; цвет жизни – цвет крови; в христианстве символ святого Духа, сошедшего с неба подобно языкам огня, – цвет крови мучеников, претерпевших гонение за веру и другие. В аналитическом осмыслении сплетения разных смыслов и их поляризации выявляется зарождающийся мотив противоборства и противостояния. Он будет далее развиваться во всех компонентах текста, донося в диалоге с читателем мысль автора о готовности оставаться и быть поэтом в любых, даже самых катастрофических обстоятельствах своего времени.

Отношение Цветаевой к историческому времени завуалировано и зашифровано поэтической образностью, которую можно понять только в сотворчестве читателя и автора. «Что есть чтение – как не разгадывание, толкование, извлечение тайного, оставшегося за строками. За пределами слов. (Не говоря уже о «трудностях синтаксиса!») Чтение – прежде всего сотворчество...» [3, с. 401]. В стихотворении «Как правая и левая рука...» в сотворчестве читателя и автора открывается еще одна сторона искусства мастера слова. В шестистрочном тексте мысль о времени формируется в подтекстовом пространстве. Автор использует «самый простой, распространенный и типичный для поэзии, художественной литературы в целом и публицистики прием «приращения смысла и создания экспрессии текста – прием столкновения прямого и переносного значений слова» [4, с. 61].

Два эпитета сведены в контексте первой строки, что соответствует естественному процессу жизни, воспроизводит реалии жизни человека. «Как правая и левая рука, / Моя душа твоей душе близка». Эпитеты дают импульс для рождения и формирования мотива близости двух людей, которая не ограничена телесным, а уводит с помощью слов-образов *душа, блаженно, крылья* в высокую духовную сферу, ассоциативно вызывая в памяти семантику образов ангелов и говоря о божественной причастности любящих. Однако в глубинах произведения неясно, но различимо для вдумчивого читателя пробивается противоположный по семантике мотив. Он выстраивается на основе переносного символического значения слова *левый*, интенционально трижды повторенном автором в коротком тексте: «Мы смежены блаженно и тепло, / Как правое и левое крыло». В культуре и литературе за ним закрепилось значение принадлежности к темным силам (отсюда: *встать с левой ноги, плюнуть через левое плечо* и другие примеры). В толковом словаре мы находим негативное значение: «левый – побочный и незаконный» [6, с. 313]. Противоположность значений ‘правый’ и ‘левый’ закреплено контекстом строфы, в которой отглагольная форма *смежены* отсылает к образам межи, границы.

Скрыто зародившийся мотив в полную мощь развернулся в последней противоположной по смыслу строфе: «Но вихрь встает – бездна пролегла, / От правого до левого крыла. Интерпретация смысла мотива с учетом символических смыслов слов-образов *вихрь, бездна* уводит далеко за рамки личных отношений героев к воссозданию всеобщей трагической картины времени. Трагедийность передана через физический и душевный разрыв, расставание и разъединение, размежевание, нарушение естественной жизни, законов сотворения мира и бытия.

Еще одна сторона поэтики и трагичности времени раскрывается в стихотворении «Каждый стих – дитя любви...». Как и в стихотворении «Красною кистью...», здесь главенствует тема поэта и поэзии. Но звучит она в другой тональности. Резко изменился стиль: он стал надрывным, нервным. Чтобы передать свое ощущение времени, поэт сталкивает противоположные, далекие по смыслу слова: *стих – нищий незаконнорожденный, ад – алтарь, царь – вор*. В отличие от стихотворения «Красною кистью...», где рождение поэта воспринималось как событие вселенской значимости, здесь поэтический стих предстает как незаконнорожденный – значит, не признаваемый обществом, брошенный на произвол судьбы, созданный певцом, сердце которого разрывают противоречия – ад и алтарь, рай и позор.

Голос лирической героини исповедален: в нем есть констатация факта и искреннее признание в греховности. Отсутствие глаголов и обилие тире обозначают некую временную остановку, необходимую для покаяния, самопознания, саморазоблачения. Структура стиха подчинена констатации факта. Мотив признания в греховности, отступлении от норм общества и измене – ключевой. Вина и грех состоят в отсутствии отцовства, процветании порочной любви, что осознается как заблуждение, вина лирической героини, предавшейся всеобщей греховности. И все же это состояние нельзя назвать смятением (как у Ахматовой). Это – гордый вызов окружающим той, которая фрондирует своим своеволием в обществе, где точно разграничены права нищего и царя, царя и вора. Многозначительный повтор вопросительных знаков говорит об отсутствии необходимости давать ответы на возникшие вопросы. Ее исповедальное признание созвучно нравам эпохи, где все разгул и своеволие. Особо важно, что и в этой ситуации она остается поэтом.

В рассмотренных стихотворениях раскрывается связь временных явлений и разные грани поэтики Цветаевой. Единая тема и сквозные мотивы объединяют их, составляя полное представление об исторической эпохе. Меняется язык и стиль произведений. Сама Цветаева чувствует непохожесть своего «невоспитанного стиха» на стилистику других авторов. В последнем стихотворении он, действительно, звучит «как вопль испорченного нутра», образно передавая трагическое ощущение времени.

Список использованных источников

- 1 Потебня, А. А. Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. – М. : Искусство, 1976. – 614 с.
- 2 Ларин, Б. А. Эстетика слова и язык писателя. Избранные статьи / Б. А. Ларин. – Л. : «Худ. лит.», 1974. – 288 с.
- 3 Цветаева, М. И. Об искусстве / М. И. Цветаева. – М. : Искусство, 1991. – 479 с.
- 4 Зубова, Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: лингвистический аспект / Л. В. Зубова. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 264 с.
- 5 Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – М. : Высшая школа, 1989. – 405 с.
- 6 Современный толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб. : «Норинт», 2007. – 960 с.

УДК 811.161.1'373.611:004.77

И. О. Ковалевич

КОЛЛЕКТИВНОЕ ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВОТВОРЧЕСТВО В СОВРЕМЕННОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

В статье рассматриваются особенности коллективного окказионального словотворчества на материале интернет-переписки. Анализируются разные приемы создания рядов окказиональных лексем в рамках единого контекста.